

Валерий Столыпин

Сборник рассказов

ПРИВИВКА

ОТ ЛЮБВИ

18+

Валерий Столыпин

Прививка от любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63612421

SelfPub; 2023

Аннотация

В юности автор мечтал стать писателем. Старался, упрямо скрипел карандашами. Не стал, по причине отсутствия житейского опыта. Позже жизнь закрутила – писать стало некогда. Надеялся, что когда-нибудь потом расскажу обо всём. Оказалось, что память – весьма ненадёжная функция. Но мечта осталась. Когда возраст начал напоминать о себе пришло время подводить итоги. Багаж событий к тому времени был накоплен солидный, посему решено было кропать мемуары. Вот только писать за столько лет совсем разучился. Пришлось вспоминать правила грамматики, пунктуации и многое другое. Попутно выяснилось, что жизнь обычного человека никому, даже близким людям, не интересна. Тогда автор начал вести душевные беседы и слушать. Есть у моих соотечественников сентиментальная особенность – желание исповедаться, выговориться, вывернуть наизнанку душу, особенно когда один на один да под рюмку чая. Попробовал – получается. С тех пор и пишу.

Содержание

Под созвездием измены	4
Степаныч и тётци	23
Давайте я спою	33
Невезуха	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Валерий Столыпин

Прививка от любви

Под созвездием измены

Неожиданно, слишком громко провернулся ключ в замке, затем откровенно издевательски скрипнула входная дверь.

Юлька, жена вернулась.

Вот она споткнулась, не решаясь включить свет, всхлинула.

Скорее всего, больно ударилась о тумбочку.

Утро.

Пять семнадцать, мерцало на электронных часах время.

Скоро вставать.

Спустя пару минут, в ванной зашумела вода.

“Дождь смывает все следы... с домов, с людей, с воспоминаний”

наний... “

На душе было не просто скверно – одиноко, неустроенно, пусто.

Прежде жена сразу спешила к нему, даже в морозные февральские вечера, даже когда он уже спал.

И никогда...

Никогда не задерживалась.

Юлька невесомо, восхитительно приятно дотрагивалась до его лица губами, прижималась щекой, щекотила волосами, окутывая облаком аромата нерастраченной женственности, отчего невозможно было не проснуться.

Моется...

Похоже, есть чего скрывать. Боится, что обнаружу запах страсти.

За ночь Вадим просмотрел на ментальном экране, словно во сне, десятки вариантов развития неприятных событий.

Он ещё ничего не знал, просто чувствовал.

Юлька изменила.

Минут через двадцать жена на цыпочках зашла в комнату, чуть слышно скинула халат и, стараясь не издавать посторонних звуков, улеглась на край кровати.

Несмотря на сильный запах шампуня от неё резко пахло похотью, совсем не так, как обычно, когда Юлька возбуждена близостью с ним.

Вадим явственно слышал, как яростно грохочет её сердце, чувствовал, как жена напряжена в ожидании катастрофы: разоблачения, скандала.

Нет, такого подарка ей не видать. Всё будет иначе.

Око за око.

Юлька между тем дышала воспоминаниями, это было явственно слышно.

Она переживала, волновалась, находилась под впечатлением.

Вадик тоже.

Он жаждал мести.

Жена сама дала повод.

Мужчина начал в уме перебирать претенденток, связь с которыми может стать для супруги наиболее болезненной.

Он постарается сделать как можно больнее.

Вероника, лучшая подруга, вот кто годится более всего.

Завоёвывать её не придётся.

Сколько раз Вадим наблюдал за внешним преображением подруги в своём присутствии.

Стоило им встретиться взглядом, как лицо и шея девушки тут же покрывались румянцем смущения, а в голосе и жестах появлялась суетливость, нервозность.

Вадим внутренностями чувствовал, как Вику терзает сладкая истома.

У него самого в присутствии девушки голова иногда кружилась от шальных, но неоформленных мыслей, кото-

рые, минуя мозг, плавили сознание, рассеивали внимание, невольно заставляли плотнее прижимать жену или награждать её поцелуем, чтобы избавиться от неловкого внимания к телу другой женщины.

Чем больше Вадим себя накручивал, чем сильнее злился, тем стремительнее зарождалось желание немедленно, сейчас, наказать жену.

Но как?

Проще всего изнасиловать. Именно теперь, когда она под впечатлением, когда наверняка чувствует внутреннее и внешнее романтическое вторжение того, чужого.

Силой он Юльку ещё никогда не брал. Для этого не было повода.

Что между ними было: сентиментальное свидание с непорочным созерцанием лунного света, нежные объятия, страстные поцелуи?

А если грязный развратный секс, если она ему...

Или он ей...

Вадим резко повернулся к жене.

Юлька была бессовестно обнажена, лежала с открытыми глазами, закинув руки за голову, без одеяла.

Жена не отстранилась, не выказала недовольства: равнодушно, послушно раздвинула ноги.

Вадиму не понравилась её реакция, несмотря на то, что он знал предполагаемую причину холодной покорности, но остановить желание не смог.

Мужчина без подготовки вошёл в холодное и сухое лоно жены. Та ойкнула, закрыла глаза, сжала губы.

Затея наказать, унижить вероломную обманщицу с треском провалилась.

– Ты скоро, – равнодушно, без интонации спросила Юлька минут через десять.

– Опять мыться придётся.

Вадьку, словно змея ужалила. Он вскочил, убежал в ванну.

Первой реакцией было желание физически уничтожить жену.

Он даже расплакался.

“Развестись или спустить на тормозах? Она же уважать меня перестанет“.

А Юлька сама не понимала, что делать, не помнила точно, как получилось, что оказалась в постели с незнакомым мужчиной.

Это было наваждение, помешательство, морок.

Она просто выпала из реальности на пять часов. Именно столько времени на всё про всё понадобилось Егору Леонидовичу, от приветливого прищуря и игривой улыбки до финала, когда Юлька почувствовала внутри себя обжигающе ядовитый любовный секрет.

Ведь осознавала, знала наверняка, что не будет прощения за эту вольность, точнее, за предательство, но не посмела сопротивляться желаниям любовника.

Юлька не планировала измену, она нырнула в неё как в омут, предпочтя утонуть, доверившись первобытному ин-

стинкту.

Егор пронзительно смотрел прямо в глаза, отчего Юлька впадала в ступор, позволяя себе быть ведомой, подчиняться его воле.

Что-то непонятное произошло в тот миг, когда Егор нечаянно дотронулся до её запястья.

Обычный приятельский жест в процессе профессионального разговора вызвал молниеносный химический ответ, который ошеломил, вверг в панику.

Юльку с головой накрыло безумным эротическим влечением страшной неконтролируемой силы.

Кружилась голова, вибрировала ненасытным желанием каждая клеточка возбуждённого тела, между ног и в районе груди сладко таяло облако вожеления, что было волнительно приятно, но очень странно: Юлька не отличалась сильной сексуальной конституцией, не проявляла пылкости даже с мужем, не испытывала особенного желания при длительном отсутствии близости.

И вдруг такое...

Сладкая истомы терзала её взволнованную плоть, погружала в некую нирвану, наполняла голову туманом.

Она, замужняя женщина с комплексом этических и моральных принципов, не задумываясь ни о чём, позволила Егору обнимать, целовать и трогать, трогать.

Юлька трепетала в его руках, забыв про смущение и стыд, про издержки общественного мнения в случае разоблачения, про совесть и последствия порочного поведения, про супружеские обязательства перед Вадимом.

Как последняя сука истекала она липкими похотливыми соками, желая лишь одного – немедленно почувствовать нечаянного соблазнителя внутри себя, желательно целиком.

Егор начал тотальное наступление на девственную Юлькину добродетель ещё в такси, требовательно и грубо проникая руками и губами туда, где кроме мужа никто никогда не был.

Юлька несколько раз впадала в прострацию, тело сводило интенсивными сладкими судорогами, заставляющими стонать и выгибаться. Перед глазами летали разноцветные мушки и концентрические круги.

Егор чувствовал, намеренно распаял её желание, испытывая удовлетворение от своей способности довести до состояния экстаза.

Он и сам был на взводе, но дотерпел до дома.

Любовник страстно хотел Юльку, она его.

Настолько феерического секса женщина не могла себе даже представить даже в самых изощрённых фантазиях.

Вадим делал с податливым телом невообразимое, превращая его в сплошную эрогенную зону, в сгусток, в концентрат наслаждения, отчего женщина впадала в эйфорию, растворяясь в пространстве и времени, которого для неё не существовало.

Лишь в момент, когда ненасытный любовник пришёл к финишу, когда с победным криком излил внутрь свою страсть, до Юльки дошло, что натворила.

Она кричала, рыдала, царапалась, пыталась струёй воды извлечь из интимных глубин семена нечаянного греха.

– Идиот, я замужем!

– Предупреждать нужно, дамочка! Я думал, ты предохраняешься, поэтому позволяешь секс без предохранения и обязательств. Не бери в голову, дело-то житейское. Если что – почистишься, я заплачу.

Наваждение и страсть как волной смыло.

Юлька внимательно посмотрела на Егора и вздрогнула. Она увидела перед собой совершенно чужого, чуждого ей мужчину, который вдобавок оказался циником.

Любовник был совсем не в её вкусе.

Иначе, чем гипнозом объяснить то, что случилось между ней и Егором, не получалось.

Можно было попытаться уладить проблему в самом начале, придумать отговорку, что было не особенно сложно.

– Господи, почему мы сильны задним умом, – подумала Юля.

– Неужели так сложно быть ласковой, обмануть его подозрения имитацией страсти? Ах-ох, да-да, ещё-ещё, глубже, сильнее, милый, любимый... дыши себе и дыши, пока он копошится. Так нет же, нагрубил, выставил, чуть ли не им-

потентом. Всё дело в измене, в Егоре, в его умении завести так, что чертям тошно становится. Сколько можно врать, делая вид, что муж – сексуальный гигант, гений большого секса? Сунул-вынул, вот и вся камасутра. А я любви хочу, страсти. Как в первый раз, как тогда.

Обижать мужа, выставлять напоказ его мужскую несостоятельность, наказывать равнодушием и эгоизмом Юлька не хотела.

Так вышло.

Психанула на себя, а оторвалась на Вадике.

Глупо и подло.

Нужно попытаться объяснить.

Не оправдаться, нет: попросить прощения, сдаться на волю сильного, уповать на его великодушие.

Юлька встала с кровати, постучала в дверь ванной.

– Вадим, можно с тобой поговорить?

Муж молчал.

– Я тебе изменила.

– Знаю, почувствовал.

– Скрывать, защищаться методом нападения, упрекать, сваливать вину за свой гадкий поступок на тебя не хочу. Мы расстанемся?

– Не знаю. Всё зависит от того, любишь ты меня или нет.

– Если скажу, люблю – поверишь?

– Почему же изменила? Я так плох?

– Не хочу говорить через дверь. Жду на кухне. Вопрос слишком серьёзный, чтобы обсуждать его походя.

Юлька приготовила кофе, бутерброды, закурила, хотя прежде терпеть не могла запах табака.

Вадик пришёл одетый в костюм, даже галстук завязал.

Жена сидела перед ним в одних трусиках: худая, миниатюрная, хрупкая, словно провоцировала, намеренно демонстрируя свою незащищённость, покорность и беспомощность.

– Если хочешь – можешь ударить. Ты вправе меня наказывать. Стерплю, заслужила.

– Оставь хитроумные приёмчики для любовников. Представь себе котлету, по которой ползёт таракан или на которую плюнули. Станешь ты есть её? Нет. А мне предлагаешь.

– Поверь – мне противно и стыдно. Если не сможешь простить, я уйду. Да, рассказывать о грехопадении ничего не буду, не проси. Или простишь, и попробуем начать сначала, или...

– Я тоже тебе изменю, вот увидишь. С Викой пересплю.

– Глупый. Это будет котлета, по которой ползают полчища тараканов. Лучше переспи со мной. Обещаю, клянусь...

– А я не верю, так-то. Уже попытался с тобой переспать... ничего хорошего из этой затеи не вышло. Наверно с любовником больше понравилось.

– Тебе лучше этого не знать. Не желаю сравнивать. Вадик... ты можешь сегодня не идти на работу?

– Сложно сказать. Наверно могу, но зачем – чтобы устро-

ить вечер встречи выпускницы сексуальной академии со студентом первого курса? Будешь обучать премудростям усвоенных в путешествии налево сексуальных практик?

– Останься со мной. Ты мне нужен.

– Подумаю. Если да, то что?

– Просто обними. Обними и поцелуй. Пожалуйста.

– Вот ещё. От тебя пахнет изменой. В тебя впитался запах порока и похоти.

– Значит, не простишь. Я надеялась на милосердие и великодушие.

– Надо же, какой пафос. Как у тебя всё просто: изменила – разменила. Не знаю, как правильно назвать покаяние в грехах, но я не всевышний, чтобы отпускать их.

Юлька пристально смотрела на мужа. На глаза наворачивались слёзы.

– Ты меня разлюбил... сейчас семь пятнадцать утра. Мы любили друг друга: недавно, вчера. Вадик, хочешь, встану на колени? Или уйду, если не только обнять, смотреть на меня

НЕВЫНОСИМО.

Вадик задыхался от обиды, страдал от беспомощности, но не мог представить жизнь без этой гадюки, без омерзительной, но любимой и желанной женщины, которая переступила незримую черту, позволив пользоваться священным в супружеском целомудрии телом отвратительному похотливому слизню.

На работу он не пошёл, сказавшись больным, но компромисса не принял.

Слишком тяжела была ноша, слишком велика обида.

Супруги легли в кровать, отвернувшись, уткнувшись носами в подушки, отодвинулись на возможно большее расстояние друг от друга и молчали, молчали...

Каждый о своём.

Часа три, если не больше длился беззвучный диалог.

Кто-то вздыхал, кто-то вздрагивал.

Плохо было и тому, и другому.

Лежали неподвижно, пока Вадим не почувствовал непреодолимое желание всего сразу: потребность простить, желание немедленно дотронуться до жены, почувствовать тепло и близость её упругого тела, ощутить знакомый вкус поцелуя, сбросить напряжение эротического томления, подступившего к самому горлу, разрывающему на части.

Непросто было сделать первый шаг. Ой как непросто.

Оргазм был незабываемый, феерический, неправдоподобно красочный и продолжительный, как сама жизнь.

Страстное примирение продолжалось до самого вечера.

Потом был ужин на скорую руку.

Вадик мазал Юлькину грудь малиновым вареньем и слизывал, слизывал.

Хулиганить было до чёртиков приятно. Доставляя взаимную радость, отдаваться без остатка, позволять себе привычные и запретные эротические забавы – тоже.

Юлька творила такое...

Впрочем, об этом не стоит говорить вслух. Это сокровен-

ное и личное, о чём имеют право знать только двое: он и она.

Теперь супруги понимали: откажись они от попытки зачеркнуть прошлое – ничего подобного никогда бы не было.

В голову лезла непрощенная и весьма абсурдная мысль: если бы не измена...

Если бы не измена, они никогда не решились бы на предельную откровенность и искренность во всех сферах семейной жизни.

Ужасно, что к любви и согласию, к трогательным чувствам и глубинной нежности, к умению прощать и делать выводы, к обожанию и настоящей привязанности они пришли через измену.

Как говорится, – что выросло – то выросло.

Автору могут возразить: мол, верность – это промежуток между изменами, иногда столь краткий и незначительный, что превращается в математическую погрешность.

У кого как, у кого как...

Любовь без ошибок и страданий – иллюзия.

Любимым нужно верить.

Даже тогда, когда они оступились.

А чтобы читатель не задавал напрасно вопросы: Вадим не изменил. Ни с Викой, ни с кем иным. Ни вчера и не сегодня.

Понятно, что это частная история, но потребность изменить не вырастает из ничего.

Желание отведать клубничку с чужого поля – звоночек, сигнал: что-то в семейной жизни пошло не так.

Степаныч и тёщи

Я логист.

Словечко новомодное, с претензией на исключительность, а на самом деле ничего необычного: дирижёр с правами администратора и талантом самодеятельного композитора.

Шучу.

Сижу себе за компом, клавиши телефона тюкаю, графики рисую и инструкции всем и каждому даю.

Перед учредителями по стойке смирно стою, общаясь с клиентами, изображаю Папу Римского и Юлия Цезаря в одном лице, с руководством и менеджерами на равных, с персоналом и водителями по-отечески строго, с остальными – рубаха-парень.

Короче, работа – не бей лежачего.

Иногда, правда, накосячим чего либо, и понеслось...

Вот и сегодня.

По цепочке: от менеджера, небрежно принявшего заказ, и бухгалтера, выписавшего накладную с ошибками, до невнимательного кладовщика и рабочего, перепутавшего полеты с товаром, до меня, не успевшего или не захотевшего проверить, отличились все.

Клиент, оплативший европейскую керамическую плитку на два с лишним лимона, обратился с рекламацией, объясняя учредителям непечатными словами, что им пипец.

Так-то..

Еду разруливать.

Я ведь в нашей кампании за няньку, терапевта и психолога.

На такие переговоры обычно ездю с одним и тем же водителем – Виктором Степановичем Черномырдиным, полным тёзкой незабвенного политика, наговорившего невзначай афоризмов на большую книгу.

– Курс у нас один – правильный, вещал этот забавный дядька.

Или вот это: секс – это тоже форма движения.

Степаныч тоже был юморист ещё тот. А ещё...

Действует он на меня как экстрасенс и гипнолог.

Характер у Степаныча мировой: водила, а ума палата. Чего угодно по косточкам разберёт, диагноз поставит и совет даст.

Клиента я уболтал, хоть и с трудом.

Долго мы с ним шары катали, но аккорд был мелодичный: спели под гитару “в лунном сиянии”, уговорили бутылку марочного дагестанского коньяка с лимоном и сёмужкой. Он меня на рыбалку пригласил, намекнул, что подругу подгонит не хуже своей секретарши.

А та...

У меня... челюсть отвалилась и слюна капала.

Но я не о том, о Степаныче.

– Начальник, – говорит он, друг ты мне или не друг?

– Ато, – отвечаю, – для тебя, Степаныч, хоть звезду с неба, хоть пи...

Пошутил, короче.

– У меня тут, извини, конечно, тёща любимая, Алевтина Кондратьевна. Не могу мимо проехать, сам понимаешь. Я ведь как есть дамский угодник, тебе ли не знать.

– Уговорил, – говорю, подожду, сколько нужно, только я несколько экземпляров экспонатов под названием тёща уже знаю...

– То вторая. По счёту. Самая любимая, но ты со мной должен зайти. Алечка гостей любит. Доставим женщине радость.

Набрал Степаныч гостинцев. Три сумки.

Мясные и рыбные деликатесы, килограмма два мороженого, торт, шампанское, коньяк и так, по мелочи.

Как на свадьбу.

Дверь в квартиру в обшарпанной пятиэтажке открыл сво-

им ключом.

– Кондратьевна глуховатая и ходит с трудом, но, тёща мировая. Сам увидишь.

К комнате с наглухо зашторенными окнами сидела су-хоньякая старушка с огромными очками на носу.

– Анюта, ты пришла, – скрипучим голосом спросила бабуля.

– Нет, Кондратьевна, это Степаныч, серый волк, зять твой любимый.

– Ой, солнце моё, а меня и угостить тебя нечем.

– Всё с собой, мамулечка, всё с собой. Анька-то часто приходит?

– Куды там. Не припомню, когда была последний раз. Светулёк заходит через день.

– Светка, Антон Петрович, дочуля моя. Умница-красавица. Как она, Кондратьевна, не хвасталась? Я ведь ей на окончание института Тойоту купил. Замуж соберётся – квартиру подарю.

По дороге обратно Степаныч взахлёб рассказывал про Светочку, про Анюту – самую-самую любимую жену.

– У меня, Петрович, до сих пор при виде Аньки сердце замирает. По секрету скажу: помнишь, недели две назад я отгул брал? С Анюткой в пансионате зависали. Ох, как я её... Люблю, заразу!

– А развёлся чего?

– Устал. Сколько можно по одному маршруту агрегат гонять? Я неожиданность люблю, приключения и романтику. Ты не думай, я её не обижаю: денег шлю, подарки там, интим время от времени, понятное дело. Когда соскучусь.

– Многостаночник ты, однако, Степаныч.

– Не без этого. Есть ещё порох в пороховницах.

Про бывших Степаныч рассказывал часто и много: сочно, восторженно, с картинками, перескакивая с одной на другую, вспоминал многочисленных детей и самых любимых тещ.

Степаныч не забывал никого из некогда отвергнутых пас-

сий. Такой вот, понимаете, феномен – впечатлительный и влюбчивый.

Я с ним почти пятнадцать лет катаюсь. Фаину, последнюю жену знаю и детей. Мы частенько бываем в одной компании.

Замечательная женщина.

В начале нашего знакомства, когда я был менеджером и экспедитором, отправили нас с довольно сложным заказом в Зеленоград.

Клиент был придирчивый: проверял каждую коробку, скандалил.

Освободились только к вечеру.

Степаныч так же, как сегодня, попросил зайти с ним к теще. К другой.

– Валентина Сергеевна, тещенька любимая – мировая женщина. Штучного изготовления особа. Наговориться с ней попросту невозможно. На любую тему беседу поддержит. Добрая, справедливая. А как поёт...

Я тогда ничего про Степаныча не знал. Понял из разгово-

ра, что сын у него, Павел, дочка Людмила и жена Софья.

Собственно, мне эти знания без надобности были, только через месяц Степаныч меня с женой и детьми познакомил. Не специально, так вышло.

Звали супругу, почему-то, Фаина. А детей Виктор и Катенька.

У меня память профессиональная – цепкая. Сразу уловил – не срастается, но спрашивать не стал. Будет нужно – сам расскажет.

Спустя какое-то время мы с ним мотались в Ногинск. Я уже старшим кладовщиком был.

Сдали мы товар, а по пути Степаныч говорит, – Антон, тёща у меня здесь живёт, Клавдия Филипповна. Неудобно мимо проезжать и не навестить. Мировая женщина. Человечище. Самая любимая тещенька, че слово.

Потом Степаныч познакомил меня с Анной Фёдоровной, с Елизаветой Юрьевной, с Викторией Олеговной и с Ефросиньей Серафимовной.

Возможно, что пока я не всех тещ знаю.

Каждая из этих женщин была любимая и исключительная.

Он не забывал никого: посылал тещам, жёнам и многочисленным потомкам поздравления, и деньги, привозил подарки.

Оказалось, что кроме этой работы у Степаныча есть бизнес, связанный с товаром нашей фирмы, но держал это в секрете, чтобы не вызвать недовольство начальства.

Все деньги до копейки он тратил на бывших и настоящих тещ, жён и детей.

Как ни странно, его обожали и те, и другие, и третьи. И никто не осуждал.

Время от времени Степаныч крутил романы с кем-нибудь из бывших пассий, от которых по-прежнему угорал.

– Прикидываешь, Антон, я опять в свою Люську влюбился. Она у меня такая, – с обожанием восклицал он, имея в виду четвёртую жену.

– Я ей кольцо с бриллиантом купил. Как думаешь, может мне опять с ней сойтись?

– А Софья Игоревна как?

– Она женщина с понятием. Я ведь не собираюсь её совсем бросать. Софочку я тоже люблю.

Романтик, авантюрист, искатель приключений – это всё про него.

По отношению к нему любвеобильность и непостоянство были настолько естественными процессами, что создавалось впечатление, будто Степаныч взял на себя социалистическое обязательство – охватить счастливыми брачными узами всех женщин страны.

Как-то я думал: что было бы, если всех, кто был ему дорог, перезнакомить. Взять и собрать за одним столом.

Сам я однолюб, мне хватает одной единственной, а Степаныч...

Наверно у него безразмерное, гуттаперчивое сердце.

Интересно, не болит оно от настолько интенсивного обожания сразу всех?

Давайте я спою

Вика любила закаты и рассветы, обожала смотреть на их качающееся отражение в воде, сидя на берегу озера и мечтать.

Особенно манили и очаровывали её яркие вечерние зори, окрашивающие горизонт, за который скрывается утомлённое за день солнце.

Девушке нравилось дивное место в глубине затона, надёжно скрытое от постороннего взгляда куполообразными зарослями шаровидной ракиты.

Вереница деревьев полукругом обрамляла берег с цветущим разнотравьем, охраняя тишину небольшой поляны, на краю которой у самого берега обитала старая-старая плакучая ива, ветви которой живописно спускались к срезу воды.

Ещё одно дерево росло прямо в озере. Оно было похоже на купающегося лешего.

В детстве Вика часто приводил сюда папа.

Это он научил девочку видеть и чувствовать красоту, он

сколотил под густой кроной ветлы удобную скамейку, с которой открывался чарующий пейзаж, особенно на закате, который с этой уютной точки выглядел волшебным.

Папы теперь не было.

Не было с ней.

Так вышло, что он ушёл из семьи и жил теперь в другом городе.

В этот укромный уголок редко кто забредал. Наверно удобнее было отдыхать на открытом берегу, где можно искупаться и забросить удочку.

Последнее время Вика приходила сюда не мечтать, а грустить.

Девушка очень-очень-очень сильно хотела счастья, наверно, как все люди на Земле, но Вселенная отчего-то отказывала ей в везении.

Ощущение себя неудачницей имело эмоциональный окрас, вызванный драматическим образом завершёнными недавно отношениями с любимым.

Они были очень близки, фактически состояли в гражданском браке, только жили отдельно, и вдруг...

Ничего не предвещало такого развития событий. Любимый просто не встретил её однажды с работы, не ответил на звонок. Дома тоже не появился.

Девушка расспрашивала его друзей, но они ничего не знали, ходила к Егору на работу. Оказалось, что он рассчитался, куда-то, вроде, уехал.

Вика отрешённо смотрела на закат, смаковала слово любимый, тесно связанное с именем человека, который её бросил, и беззвучно проливала слёзы.

Она задавала себе и ему вопросы, сама на них отвечала, неизменно замыкая круг виртуального диалога новой счастливой встречей.

Приблизительно через месяц Вика получила от Егора письмо, в котором он извинялся за внезапный отъезд.

“Я не мог, не хотел видеть, как ты страдаешь, думал так лучше. Извини. Я обязательно вернусь, только не знаю когда. Пишу без адреса, потому, что работа связана с непрерывными командировками. Как только освобожусь – дам знать”.

Дальше Егор долго и нудно с массой ошибок в тексте описывал, как сильно соскучился, клялся в любви.

Вика верила, ждала, каждый день по несколько раз перечитывала письмо, хотя знала его наизусть, каждый вечер готовилась к долгожданной встрече, представляла, как она должна произойти в деталях.

Любимый вернулся почти через год.

Выглядел Егор потрясающе: одет с иголки, гладко выбрит, надушен и горд собой.

В его роскошном облике сквозили аристократическая элегантность, ухоженность и намёк на достаток, граничащий с богатством.

В шикарном ресторане, куда он пригласил Вику, неожиданно выяснилось, когда пришло время рассчитаться, что он забыл кошелек дома.

Девушка заплатила, хотя для неё такие траты были чрезмерными. Главное, что Егор вернулся.

Её Егор.

Любимый поселился в её комнате, потому, что свою квартиру сдал до конца года, постоянно пропадал на несколько дней, просил денег, объясняя, что на днях на карточку должен поступить перевод.

Ему постоянно было некогда.

Утром Егор куда-то спешил, вечером приходил так поздно, что у Вики не хватало сил дожидаться.

И всё же девушка была рада его возвращению. В те редкие минуты, когда удавалось побыть вместе, Вика была беспрельно счастлива.

Егор был галантен, предупредителен, ласков, постоянно говорил о любви, не жалел комплиментов.

Вот только деньги никак не поступали на карточку. Но это такая мелочь.

Потом был звонок на телефон, когда Егор отправился в душ.

Вика нечаянно бросила взгляд на загоревшийся вдруг экран с фотографией улыбающейся женщины, протягиваю-

щей вульгарно накрашенные губы, словно для поцелуя, с голым бюстом, который она держала в раскрытых ладонях так, словно предлагала себя, и надписью “Любимая”.

Было ужасно стыдно поднимать трубку, но снимок и название контакта ошеломили Вику настолько, что она ответила.

– Сколько можно мотаться по командировкам, Егорушка? Я устала тебя ждать, любимый. Деньги получил?

– Вы кто, – спросила Вика.

– Как кто? Жена, Лариса Кулагина. А ты, откуда у тебя этот телефон?

– Я Вика, невеста Егора. Он вам обо мне не рассказывал?

– Не болтай, дура, язык выдерну. Дай трубку этому кобелю. Так вот в какие командировки муженёк постоянно мотается. То-то, думаю, работает, работает, а денег нет.

– Давно вы женаты?

– Скоро год.

– Извините, я не знала.

Вика позвала Егора, – жена звонит, ответь.

Любимый нисколько не смутился, – о, привет! Завтра домой еду, жди, – спокойно беседовал Егор в костюме первобытного Адама с готовым к любовной игре аргументом желания, – кому ты веришь, это помощница прикалывается, они здесь все юмористы... какая кобыла, сотрудница. Всё, кладу трубку, у меня важные переговоры.

– Да меня вроде не пришлось уговаривать, – сказала Вика, едва сдерживая слёзы, когда разговор закончился, – будем считать, что командировка завершилась провалом агента. Ты уволен. Счёт за постой и обслуживание по какому адресу выслать?

– Вика, я всё объясню. Это недоразумение. Хочешь, покажу паспорт. Нет у меня никого.

– Верю. Но не уважаю. Я была о тебе лучшего мнения. Десять минут на сборы и адью. Ты мне противен.

– Я её брошу, ей бо! Да не нужна она мне, я тебя люблю.

– Вот и люби дальше. А ещё Ларису люби и всех-всех, к

кому в командировки мотаешься. Скверная у тебя служба, Егорушка, мерзкая, гадкая, грязная. Слава богу, что правда открылась. Погорюю и забуду. Вот ты значит какой, северный олень...

Вика болела.

Вирус любви крепко вцепился в её нежную сущность, заставлял страдать, проваливаться в пессимизм и меланхолию. Она не спала ночами. Когда удавалось заснуть, воспалённое сознание начинало крутить в мозгу кошмарные видения.

Девушка понимала, что это не любовь – зависимость, но ничего не могла с собой поделать. Спасти её мог только он, Егор.

Закат сегодня был на редкость восхитителен, но не радовал. Вика даже закрыла глаза, чтобы красота не мешала галлюцинациям.

Она представляла, как держит Егора за руки, как смотрит в его удивительного оттенка тёмно-коричневые глаза, как прижимается к его горячей груди, как кладёт голову на плечо... и забывалась.

Вике мерещился запах любимого, жар прикосновений,

вкус поцелуя. Она почувствовала его присутствие внутри себя.

Сколько времени продолжались грёзы, девушка не знала. Очнулась она с головной болью, когда совсем стемнело.

На неподвижной глади озёрной воды отражалась лунная дорожка. Где-то невдалеке жутковато ухал филин. Кто-то или что-то хрустело в кустах.

Вика напряглась, ей стало страшно, хотя робкой и пугливой её сложно было назвать.

Нужно возвращаться домой.

В темноте захрустело ещё сильнее.

Девушка вскочила, спряталась за ракитовый ствол, но ничего не увидела, пока ей не посветили прямо в глаза фонариком.

– Что вы здесь делаете в такое время, – спросил поджарый юноша, скидывая на землю рюкзак.

– Любуюсь Луной, разве непонятно.

– Как бы... неожиданно, странно. В этот жуткий час...

– Засиделась, задумалась.

– Нет, не спорю – Луна великолепна, погода что надо, звёзды, но время... Вам что, совсем не страшно?

– А вам?

– Я привык. Постоянно, знаете ли...

– В командировках? А жена дома ждёт не дождётся. Понимаю. Мой тоже так врал.

– Поэтому вы здесь? Дайте угадаю... несчастная любовь, подлость, коварство, измена. Понимаю, даже сочувствую. Нет, я никогда не был женат и меня никто не ждёт. Я волк-одиночка. Мне комфортно в палатке, у костра, в пути. Люблю, знаете ли, преодолевать лишения, трудности, заключать с судьбой пари, встречать неизвестное.

– Вы авантюрист, мечтатель, романтик? Собираетесь всю жизнь искать и метаться? А смысл? Хотите отличаться от толпы, найти философский камень, преодолеть комплекс неполноценности, познать предел прочности духа и тела? А когда найдёте, чем будете восхищать и вдохновлять своё эго?

– Я так далеко не заглядывал. Думаю, смысл жизни в самой жизни. Нужно что-то делать, к чему-то стремиться. Люди утомляют. Им всегда плохо, всего мало. Мне же достаточно быть в гармонии со своим внутренним собеседником.

– Так не бывает.

– А вы проверьте. Забудьте о том, что вам плохо, поговорите с собой, со мной. Уверен – вам есть, чего рассказать и вы знаете, чего именно хотите услышать. Давайте, я вам спою. У меня гитара. Музыка пробуждает воображение, успокаивает. Разожжём костёр, вскипятим чайник. Увидите, это совсем не скучно. Вместе встретим рассвет. А утром я вас провожу, куда скажете.

– Соблазняетесь? А если вы маньяк?

– Ну, знаете! Как хотите, уговаривать не стану. В таком случае придётся отвести вас домой прямо сейчас.

– Можно я подумаю?

– Мне некуда торопиться. У вас фонарик есть? У меня только один. Нужно валежник собрать, костёр разжечь, воды принести, палатку поставить.

– Вы что, всё уже за меня решили? Тогда несите дрова, кипятите чай... замёрзла совсем. Я Виктория, а вы?

– Оденьте вот эту куртку, завернитесь в плед, я быстро. Предлагаю перейти на ты. Я Глеб. Глеб Егорович Кретов. Мне двадцать семь лет, я биолог, руковожу маленькой исследовательской лабораторией, живу один, люблю путешествовать, охотиться, ловить рыбу. Немного играю, сочиняю стихи и песни. Кажется всё. О себе позже расскажете, когда устроимся. Я правильно понял, вы остаётесь?

– Заинтриговали вы меня, то есть ты. Надеюсь до утра доживу. Удивительно, но с тобой интересно. Я даже забыла о самой главной проблеме своей жизни.

– Потом, Виктория. Не будь торопыгой. Сначала костёр. Это ритуал, сакральное действие. Вглядишься в огонь, объяснишь ему причину своей боли. Я научу, как предают огню негативное прошлое. Мне помогает.

– Значит и у тебя...

– Не без этого. Жизнь – не фестиваль, не праздник. Проблемы, это то, что делает нас живыми.

Сидя у костра с кружкой горячего чая, вслушиваясь в лирические аккорды, в приятно расслабляющий голос Глеба, Вика почти задремала.

– Удивительно, думала она, – я его совсем не знаю, а мне с ним хорошо. Какую струну души задел этот странный мужчина, чего от меня хочет, зачем старается понравиться? Неужели я им увлеклась?

Так они и просидели до самого утра. Смотрели в огонь, на звёзды, молчали о чём-то очень важном. Под утро залезли в палатку, укрылись мягким пуховым спальником, обнялись, чтобы быстрее согреться.

Проснулась Вика от нежного прикосновения к щеке.

– Извини, Виктория, мы не успели договориться. Не хочу, чтобы ты обиделась, что не разбудил на рассвете. Чай и уха из карасей готовы. Можно приступать к главному блюду – встречать начало нового дня. Или ещё поспишь?

– Ну, уж, нет! Хочу рассвет. А ещё хочу сказать большое спасибо. Ты меня спас.

– От чего же? Неужели ты собиралась... из-за состояния, которое по ошибке приняла за любовь? Я же говорил, что

живой огонь поглощает боль. Это был катарсис, Ты почти выздоровела. Пора начинать новую жизнь.

– Кажется... нет, это точно, я готова. Скажи, Глеб, как ты смотришь на то, чтобы преодолевать трудности вдвоём?

– Я тоже об этом думал.

Невезуха

Не унывайте, если не везёт,

Отбросьте груз печали непомерный,

Однажды невезение пройдёт

И канет в лету!

Вы же не бессмертный?

© *Андрей Олегович*

Есть люди, которых трясёт и плющит от слов удача и гарантия, потому, что их по жизни преследует невезение.

Самое интересное – им тоже кто-то завидует. Но об этом позже.

Ефросинья Аристарховна Плещеева, девушка приятной наружности, но слегка пухленькая по причине хорошего аппетита и невозмутимого характера (про таких девиц обычно говорят: куда положишь, там и лежать будет) росла в многодетной семье.

Лениться в семье Фросиных родителей было не принято. За невыполненные в срок задания и обязанности тятка наказывал жестоко, несмотря на то, что была она девушкой на выданье.

Ровесницы давно уже хороводились, ей же было не до того: приходилось вставать "ни свет, ни заря" и приниматься за хозяйские заботы.

Девочка была старшенькой, потому отвечала за всё и за всех.

С раннего утра до позднего вечера суежилась Фрося, исполняя тяжёлую крестьянскую работу, а в перерывах обихаживала ребятню.

Попадало ей часто.

Девочка постоянно хотела спать. Дремота могла её настигнуть в самое неподходящее время, даже за едой.

Нянькой Фросю определили года в четыре, когда та сама еле стояла на ногах.

Мамка всё рожала и рожала, иногда каждый год, а смот-

реть за детишками не имела возможности: работала на скотной ферме, дома держала живности до десяти и больше голов, не считая полусотни кур да гусей. Ещё сенокос, огород, ручная стирка.

К братьям и сёстрам, которых теперь вместе с ней было девять душ, Ефросинья относилась с любовью – родная кровь, но для себя твёрдо решила, что, ни при каких обстоятельствах не будет рожать.

Мечтала девушка о том времени, когда выпорхнет из родительского гнезда, когда освободится от нудной обязанности подтирать зады и носы, когда отоспится всласть.

Ни-ка-ких детей. Ни-ког-да. Ни-за что!

После восьмого класса Ефросинья Аристарховна намылилась улизнуть от постылых забот на учёбу в торговый техникум, но не тут-то было.

Отец как прознал про коварный план “хитромудрой” дочурки, рассвирепел. Хлестал со всей дури вожжами куда ни попадя, не обращая внимания на то, что побоями может порушить детородную функцию.

Перестарался, дубина стоеросовая. Но функция не по-

страдала.

Фроська неделю с лежанки встать не могла, хотя мамка ветеринара приводила. Тот уколы делал, мази целебные оставил.

Ребятня жалела сестрёнку. Собственно, это и понятно: она для них и отцом, и матерью была.

Девушка не плакала, терпела боль, сцепив зубы. Несмотря на мази, кровавые рубцы воспалились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.